

Научная статья

УДК 94 (438)

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.4.11>

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ИСТОРИИ ПОЛЬСКИХ ВОССТАНИЙ В СОВЕТСКИХ УЧЕБНИКАХ 1947–1956 ГГ.

Сергей Валерьевич Панов

Российская Академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (стр.1, д. 82, пр-кт Вернадского, Москва, 119571, Российская Федерация)
Аспирант
rontonak@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0003-0794-9983>.

Аннотация. Введение. Советская политика памяти остаётся одной из наиболее актуальных тем современной историографии. Значительный интерес у исследователей вызывает всё ещё недостаточно изученный период в истории советской политики памяти после Второй мировой войны. Важным, до сих пор неизученным моментом советской политики памяти является репрезентация в СССР таких конфликтных периодов и событий, как польские восстания – темы общего проблемного прошлого с новым союзником – социалистической Польшей. **Материалы и методы.** Источниковой базой исследования являются советские учебники истории для начального, среднего, среднего профессионального и высшего исторического образования изданные в период с 1947 по 1956 г. Автор обращается к методам исследования исторической памяти (memory studies), работе основоположника данной методологии, М. Хальбвакса и его концепции социальных рамок памяти. **Анализ.** В статье автор рассматривает репрезентацию польских восстаний 1794, 1830–1831 и 1863 гг. в различных советских учебниках для среднего, среднего специального и высшего образования с 1947 (образование Института славяноведения АН СССР и укрепление про-советского правительства в Польше) до 1956 (десталинизация

в СССР и конец эпохи Б. Берута в Польше). **Результаты.** Автор приходит к выводам, что польские восстания в советской учебной литературе периода позднего сталинизма представлялись как имевшие прежде всего классовые причины, этнополитический мотив в идеологии польских повстанцев подавался как второстепенный. Наибольшим вниманием в советской учебной литературе пользовалось восстание 1863 г., как наиболее близкое к революционно-демократической идеологии.

Ключевые слова: советские учебники, польские восстания, историческая память, историческая политика, советская идеология, история Польши, история России, Царство Польское

Для цитирования: Панов С. В. Репрезентация истории польских восстаний в советских учебниках 1947–1956 гг. // Гуманитарные и юридические исследования. 2025. Т. 12. № 4. С. 651–657. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.4.11>

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Статья поступила в редакцию: 21.01.2025.

Статья одобрена после рецензирования: 13.03.2025.

Статья принята к публикации: 28.05.2025.

Research article

THE REPRESENTATION OF THE HISTORY OF POLISH UPRISINGS IN SOVIET TEXTBOOKS IN 1947-1956

Sergey V. Panov

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (p. 1, d. 82, Vernadsky Ave., Moscow, 119571, Russian Federation)
Postgraduate Student
rontonak@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0003-0794-9983>

Abstract. Introduction. Soviet memory politics remains one of the most pressing topics in contemporary historiography. Of considerable interest to researchers is the still insufficiently studied period in the history of Soviet memory politics after World War II. An important, still unstudied aspect of Soviet memory politics is the representation in the USSR of such conflict periods and events as the Polish uprisings – themes of a common problematic past with a new ally – socialist Poland. **Materials and Methods.** The source base of the research is Soviet history textbooks for primary, secondary, secondary vocational and higher historical education published in the period from 1947 to 1956. The author refers to the methods of studying historical memory (memory studies), the work of the founder of this methodology, M. Halbwachs and his concept of the social framework of memory. **Analysis.** In this article, the author examines the representation of the Polish uprisings of 1794, 1830-1831 and 1863 in various Soviet textbooks for secondary, specialized secondary and higher education from 1947 (the establishment of the Institute of Slavic Studies of the USSR Academy of Sciences and the strengthening of the pro-Soviet

government in Poland) to 1956 (de-Stalinization in the USSR and the end of the B. Bierut era in Poland). **Results.** The author concludes that Polish uprisings in Soviet educational literature of the late Stalinist period were presented as having primarily class causes, while the ethno-political motive in the ideology of Polish insurgents was presented as secondary. The uprising of 1863 received the greatest attention in Soviet educational literature, as the closest to revolutionary democratic ideology.

Keywords: Soviet handbooks, Polish uprisings, historical memory, historical policy, Soviet ideology, history of Poland, history of Russia, Congress Kingdom of Poland

For citation: Panov SV. The representation of the history of Polish uprisings in Soviet textbooks in 1947-1956. Humanities and law research. 2025;12(4):651-657. (In Russ). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.4.11>

Conflict of interest: the author declares no conflicts of interests.

The article was submitted: 21.01.2025

The article was approved after reviewing: 13.03.2025.

The article was accepted for publication: 28.05.2025.

Введение. Школьные и университетские учебники истории являются одним из основных средств конструирования исторической памяти и таким образом – важнейшим инструментом исторической политики. Одним из наиболее спорных и конфликтных моментов общей русско-польской истории были восстания поляков в XVIII–XIX вв. Их целью было восстановление независимого польского государства и его прежних границ.

Первое крупное польское восстание произошло ещё во время разделов Польши в 1794 г. Его возглавил известный польский революционер Т. Костюшко, и оно было подавлено русскими войсками под руководством А. В. Суворова в том же году. Второе восстание, известное также как Ноябрьское, вспыхнуло в конце 1830 г. в автономном Царстве Польском. Его подавление заняло почти год и потребовало ведения масштабных боевых действий, в связи с чем у многих исследователей восстание получило названия Русско-польской войны 1830–1831 гг. [6]. По окончании восстания Органическим статутом 1831 г. Царство было лишено значительной части своей автономии.

Не осталась Польша в стороне и от Весны народов в 1848–1849 гг., но эти события затронули главным образом земли, входившие в состав Австрийской империи.

Наконец, последнее польское восстание произошло в Российской империи в 1863–1864 гг., в Польше оно известно также как Январское. Оно охватило большие территории Царства Польского и Западного края, его подавление явилось также достаточно серьёзной проблемой для русского правительства (хотя и не такой, как подавление Ноябрьского восстания) и привело к окончательной ликвидации автономии Царства Польского. Важной его особенностью было достаточно четкое разделение повстанцев на две фракции – консервативно-аристократических «белых» и революционно-демократических «красных».

Появление в сфере влияния Советского Союза дружественной социалистической Польши, которая столетиями считалась историческим противником России, наравне с «патриотическим поворотом» советской исторической политики в годы Второй мировой войны ввело советское общество, как писал Д. Бранденбергер, «в некоторое заме-шательство» [2].

Изменившаяся внешнеполитическая обстановка требовала выработки нового взгляда на совместное прошлое Польши и России, в том числе и обновления советских учебников истории – как для среднего, так и для высшего образования. При этом проявилось естественное противоречие между, с одной стороны, тенденциями «патриотического поворота» в советской идеологии и традицией марксистского революционного интернационализма, требовавшего сочувствия к польским повстанцам – достаточно

вспомнить хотя бы ярко антироссийскую позицию основателей марксизма [7].

Выработка единого взгляда на историю в среднем и высшем образовании была в сталинском СССР вопросом государственной важности, утверждением содержания учебников занималось высшее руководство государства [2, с. 140].

Тема учебников позднесталинской эпохи (главным образом школьных) уже рассматривалась рядом исследователей в общем виде, без детального изучения темы репрезентации польских восстаний в них. Среди работ на данную тему можно отметить труд А. Л. Юрганова «Русское национальное государство. Жизненный мир историков эпохи сталинизма», вышедшую в 2011 г. [21]. Также в исследования по теме историко-идеологических дискуссий позднесталинского периода значительный вклад сделал В. В. Тихонов своей статьёй 2011 г. «Учебники по новой истории как источник формирования преставлений советских школьников последнего сталинского десятилетия о мире» [16], монографией «Идеологические кампании «позднего сталинизма» и советская историческая наука (середина 1940-х – 1953 г.)» выпущенной в 2014 г. [15] и затем вышедшей уже в 2024 г. монографией «Полезное прошлое. История в сталинском СССР» [16]. В. В. Тихонов также отчасти касался темы советской исторической политики в отношении общих сюжетов российской и польской истории в своей статье, посвященной «Истории БССР», выпущенной в 1954 г [14]. В 2018 г. Л. В. Алексеева написала статью о методике преподавания истории в послевоенный период – в основном отечественной [1].

В целом же в российской историографии остаётся малоосвещённой тематика советской исторической политики в отношении долгой и сложной истории русско-польских отношений, даже несмотря на то, что историческая политика послевоенного СССР пользуется всё большим интересом исследователей. Этим и обусловлена новизна данной статьи.

Материалы и методы. Источниками настоящего исследования послужили учебники для всех степеней образования (младшего школьного, среднего школьного, среднего специального и высшего), официально утверждённые в исследуемый период.

Впервые с темой польских восстаний советский школьник тех лет соприкасался в четвёртом классе, когда ему в руки попадал учебник, в основе своей созданный ещё до начала войны – книга «История СССР: краткий курс» под редакцией скончавшегося ещё в 1941 г. профессора, сотрудника Института истории АН СССР А. В. Шестакова [19]. Специалист по аграрной истории России А. В. Шестаков был автором первого стандартизированного учебника истории в СССР, за работой над которым следили лично И. В. Сталин и А. А. Жданов [5]. В 1937 г. он был издан Учпедги-

зом как «Краткий курс истории СССР» и начинал изучаться ещё в третьем классе [19].

Снова с историей польских восстаний советский школьник эпохи позднего сталинизма сталкивался в девятом классе, когда занимался по учебнику «История СССР» под редакцией А. М. Панкратовой [11] – академика АН СССР, специалиста по истории русского революционного движения и видного участника формирования официального исторического нарратива сталинского периода [21]. В написании учебника участвовали также К. В. Базилевич, С. В. Бахрушин и А. В. Фохт.

В учебнике для средних педагогических училищ за авторством известного специалиста-краеведа и педагога [12] К. В. Сивкова и П. И. Кабанова также присутствовало освещение событий восстания 1863 г. [13, с. 23].

Наконец, наиболее подробная информация по истории СССР в стандартизированной советской учебной литературе той поры находилась в университетских учебниках. Специализированный учебник истории южных и западных славян был окончен лишь в 1957 г. [11], так что на тот момент студенты черпали информацию о польских восстаниях из пособий по отечественной истории. Учебник для студентов-историков «История СССР с древнейших времён до конца XVIII века» был написан известными историками, также весьма задействованными в дискуссиях о формировании официального исторического нарратива [21], медиевистами Б. Д. Грековым, С. В. Бахрушиным и В. И. Лебедевым [4].

Второй том трёхтомного учебника для студентов-историков, посвященный XIX веку, был написан М. В. Нечкиной [9] – ученицей М. В. Покровского, известным специалистом по истории русского революционного движения, декабристоведам, впоследствии академиком [3].

В качестве метода данной статьи использованы методы *memory studies* – методы исследований исторической памяти. Согласно им, учебники рассматриваются как часть социальных рамок, задаваемых обществом и его институтами [18].

Анализ. В издании учебника А. В. Шестакова 1955 года [20] Речь Посполитая перед разделами характеризовалась как «панская Польша» [20], что, разумеется, не являлось позитивной характеристикой. О восстании Т. Костюшко сообщалось кратко и в нейтральном тоне [20, с. 90], в отличие от, например, мятежа казахов под руководством Сарыма Датова [20, с. 90]. Ничего вообще не говорилось об участии поляков в Весне народов 1848 г. (хотя о самом событии рассказывалось в отдельной главе, при этом внимание акцентировалось на роли русских войск под командованием князя И. Ф. Паскевича в подавлении Венгерской революции 1848–1848 гг.). Также, как ни странно, в учебнике не было никаких упоминаний о событиях 1831 г.

Зато достаточно значительное место было посвящено восстанию 1863 г., которое изображалось в сочувственном тоне. Этим событиям, наряду, например, с отменой крепостного права и образованием I Интернационала, посвящался целый параграф, названный «Борьба поляков за независимость. Войны Александра II» [19, с. 126]. О самом восстании говорилось, что его готовили «поляки под руководством польского дворянства» с целью «освобождения Польши от власти русского царя». Хотя дворянский характер восстания и подчёркивался, организаторы его назывались «революционерами» [20, с. 126].

Отдельное внимание уделялось событиям в Белоруссии, указывалось, что там сопротивление восставших было «особенно сильным». Рассказывалось о вожде повстанцев – «храбром Кастусе Калиновском» [20, с. 126]. Его противник, генерал-майор Русской императорской армии М. Н. Муравьев-Виленский напротив, характеризовался как «жестокий», описывалось, что он беспощадно вешал пленных. Отмечалось, что подавление восстания было большой проблемой для русского правительства, что с этой целью в Белоруссию и Литву была направлена «целая армия», что повстанцы храбро сражались и что после восстания десятки тысяч поляков были сосланы в Сибирь [20, с. 127].

В учебнике А. М. Панкратовой небольшое внимание уделялось восстанию Т. Костюшко в 1794 г. в разделе, посвященном «борьбе царизма с французской буржуазной революцией» [11].

С точки зрения авторов, восстание «прогрессивной шляхетской интеллигенции» сначала было поддержано крестьянами, однако потом, вследствие их разочарования и даже восстания против восставших, потерпело поражение. Действия русских войск под командованием А. В. Суворова в Варшаве оценивались как гуманные [11, с. 94].

Событиям 1830 г. был посвящен параграф о «национально-освободительном движении 30-

40-х гг. XIX века» в главе «Кризис крепостнической системы», где они были рассмотрены вместе с восстанием У. Я. Кармелюка на Украине и холерными бунтами. С точки зрения авторов польское восстание было вдохновлено Июльской революцией во Франции и организовано тайным обществом, состоявшим из учеников школы подхорунжих. С точки зрения авторов учебника, восстание не имело никакой поддержки крестьянства и по этой причине потерпело поражение. В качестве доказательства приводилась цитата Ф. Энгельса о том, что в 1830–1831 гг. в Польше случилась «консервативная революция» [11, с. 166–167].

Наибольшее место в учебнике отводилось восстанию 1863 г., которое интерпретировалось как вызванное развитием капитализма. Ему уделялся целый параграф в главе о реформах 1860-х гг. Говорилось о «патриотических демонстрациях» в Польше и их расстрелах «царскими войсками», о

том, что восстание было организовано мелкопоместным шляхетским «прогрессивным» движением «красных», в то время как состоятельные помещики «белые» стремились сделать восстание менее радикальным [11, с. 241].

Авторы учебника писали, что восстание было вызвано рекрутским набором. Желание избежать призыва привлекло в армию крестьян, но шляхетское правительство «испугалось крестьянской войны, отменило народное ополчение и предложило крестьянам разойтись по домам» [11, с. 242].

Восстание на литовских и белорусских землях представлялось как имевшее крестьянский характер. Крестьяне якобы «боролись и против русских, и против польских помещиков» [11, с. 242]. Учебник сообщал, что К. Калиновский выступал с воззваниями крестьянам «на белорусском языке», «требовал демократического устройства вольной Белоруссии и проведения аграрной реформы в пользу крестьян» [11, с. 242]. По словам авторов, «помещики» выдали К. Калиновского «царским палачам». Критиковалось подавление восстания русскими войсками и генералом Н. Муравьевым. Указывалось, что после этого «царизм» начал проводить русификаторскую политику в Польше. Рассказывалось о поддержке восстания как русскими революционными демократами во главе с А. И. Герценом, так и западными революционерами [11, с. 243].

В учебнике для средних педагогических училищ К. В. Сивкова и П. И. Кабанова события 1863 года назывались «восстаниями в Польше, Литве и Белоруссии» [13, с. 23]. Параграф о восстании был включен в главу «Буржуазные реформы 60-70-х гг.». Им было уделено меньше внимания, чем отмене крепостного права, но примерно столько же, сколько русскому разночинному движению той эпохи, земской и судебной реформам. Причиной восстания был назван земельный кризис, разложение «феодализма» и наличие большого количества безземельных крестьян. Первопричиной восстания авторы сочли социальное недовольство польских рабочих и крестьян, хотя указывалось, что польское дворянство и буржуазия были также недовольны «зависимым положением от царской России» [13, с. 24].

Партия «красных» характеризовалась как буржуазно-помещичья, желающая контроля над землями Правобережной Украины и Белоруссии, поэтому желающая привлечь крестьян на свою сторону уступками. Партия «белых» же, с точки зрения авторов, опиралась на поддержку иностранных государств и примкнула к восстанию с целью не допустить его превращения в крестьянский бунт [13, с. 25].

Восстание в Литве и Белоруссии было представлено как почти отдельный сюжет. Указывалось, что его возглавлял К. Калиновский, оно имело крестьянский характер и ставило сво-

ей целью создание Белорусско-Литовской Республики. Указывалось, что К. Калиновский был выдан «белыми» царским властями и казнён [13, с. 25]. Традиционно для советской историографии негативно характеризовались меры, предпринятые российским правительством для подавления восстания.

В учебнике Б. Д. Грекова, С. В. Бахрушина и В. И. Лебедева [4] было подробно рассмотрено восстание Т. Костюшко. Тематически события, связанные со вторыми и третьим разделами Польши были отнесены к главе «Россия в конце XVIII в. и Французская буржуазная революция», таким образом восстание интерпретировалось как часть процесса роста революционного движения в конце XVIII в. Указывалось, что Речь Посполитая в конце XVIII в., после первого раздела, была экономически недееспособным государством [4, с. 665–666].

Само восстание было описано как возглавляемое шляхтой, однако радикальные шляхтичи, «польские якобинцы», по мнению авторов учебника, лишь стремились использовать «революционное движение городской плебейской массы в интересах шляхетско-буржуазного блока» [4, с. 666]. Они надеялись «успокоить мещанство» в своих интересах.

Костюшко авторами учебника представлялся как противник крепостничества и деятель более «прогрессивный» и «прокрестьянский», нежели большая часть лидеров восстания [4, с. 666].

С точки зрения авторов, первая победа повстанцев под Рацлавицами была одержана исключительно благодаря польскому крестьянству, которое верило в предоставление ему свободы и земли. Дальнейшее поражение восстания, как считалось, было обусловлено тем, что крестьянство отшатнулось от шляхты с её недостаточно радикальной программой [4, с. 667].

Информация о восстаниях XIX века содержалась уже в учебнике М. В. Нечкиной [9]. Восстанию 1830 – 1831 гг. уделялось в нем относительно небольшое место, в контексте внутренней ситуации в николаевской России [9, с. 160]. С точки зрения М. В. Нечкиной «царизм подвергал Польшу тяжелому национальному угнетению» [9, с. 160].

М. В. Нечкина считала, что революционное брожение в Польше уходило корнями в разложение феодально-крепостнического строя и имело классовый характер, хотя она указывала, что лидеры восстания – шляхтичи, более обращали внимание на восстановление государственной независимости Речи Посполитой и её старых границ, чем на достижение «социальных целей» восстания [9, с. 160]. Небезынтересно, что М. В. Нечкина не проводила параллелей между восставшими подхорунжими 1830 года и декабристами года 1825 г. несмотря на то, что таковые вполне можно было провести – ведь и в Варшаве, и в Петербурге восстание начали за-

говорщики-офицеры. Тезис о связи польских повстанцев с декабристами начал развиваться в советской историографии позднее, в трёхтомной «Истории Польши» под редакцией И. С. Миллера [8, с. 431–438]. Однако автор обращала внимание на то, что восстание было весьма важным для «освободительного движения» в Европе как символ сопротивления самодержавию [9, с. 160].

Характеризуя причины неудачи восстания, М. В. Нечкина писала, что причиной неудач было нежелание «господствующего класса» идти на социальные реформы [9, с. 162].

Зато восстанию 1863 г. М. В. Нечкина посвятила целую главу, поставив его в один ряд с такими событиями российской истории, как война 1812 г., восстание декабристов, Крымская война и отмена крепостного права [9, с. 475]. Следуя марксистско-ленинской парадигме, М. В. Нечкина указывала на социально-экономические предпосылки формирования польского революционного движения – развитие капитализма в Царстве Польском. Она характеризовала движение как революционно-демократическое. Указывалось, что в польском национальном движении была как консервативно-аристократическая, так и революционно-демократическая фракции.

Консервативно-аристократические участники восстания (т.н. «белые») характеризовались негативно, как «реакционное движение, резко враждебное народному движению», которое надеялось лишь на помощь иностранных держав. Впрочем, даже характеризуя радикальное крыло повстанцев (т.н. «красных») М. В. Нечкина указывала, что в их программе сказывалась «классовая и национальная ограниченность» – повстанцы не желали передавать крестьянам всю помещичью землю и претендовали на земли русского Западного Края (Правобережной Украины, Литвы и Белоруссии) [9, с. 480].

В целом события 1863 г. в учебнике были представлены как «вооружённое восстание против угнетающей Польшу царской власти», поддержанное «демократическими слоями населения» [9, с. 478]. Не забыто было и то, что польские повстанцы были связаны с русским революционно-демократическим движением.

М. В. Нечкина регулярно ссылалась на труды В. И. Ленина и повторяла его характеристику событий 1830 – 1831 гг. как восстания «революционной шляхты» (впрочем, здесь у неё по понятным причинам не было особенного выбора) [9, с. 476].

Вождь восстания Л. Мерославский с точки зрения автора был «врагом аристократии и банкиров», но его способности лидера и управленца подвергались сомнению [9, с. 483]. М. В. Нечкина писала, что «белые» были будто бы враждебны «народному движению» и примкнули к восстанию исключительно с целью направить его в желаемое русло и не допустить передачи помещичьей земли крестьянам [9, с. 483].

Высоко оценивалось М. В. Нечкиной восстание на литовских и белорусских землях. Оно считалось почти полностью крестьянским и прогрессивным, вождь восстания К. Калиновский назывался «выдающимся революционным демократом» [9, с. 485].

Значительная часть данной главы была посвящена вопросу поддержки повстанцев русскими революционными демократами. Подверглось суровой критике со стороны автора учебника подавление русскими властями восстания, подчёркивалось, что русские войска действовали жестоко [9, с. 486–488].

Большое внимание было уделено положительной оценке восстания классиками марксизма-ленинизма. Вместе с тем указывалось, что польское национальное движение приобрело «реакционный характер» с 1870-х годов, когда польский национализм стал сначала либерально-позитивистским, а затем, с 1890-х гг. – и правым, антилиберальным [22]. Таким образом, восстание 1863 г. рассматривалось М. В. Нечкиной как наиболее «прогрессивная» часть истории польского национального движения, после чего Польша утратила свою «уникально революционную» роль в европейской истории [9, с. 490–493].

Результаты. Подводя итоги, можно сказать о том, что в период позднего сталинизма польским восстаниям уделялось определённое внимание в учебниках для среднего и высшего образования – они были встроены в нарратив истории России как достаточно важная её часть.

Общим местом в описании польских восстаний являлось представление о них, как о событиях, вызванных, прежде всего, классовыми причинами. Восстания рассматривались как последствия разложения феодализма и развития капитализма на землях бывшей Речи Посполитой.

Говоря об этническом аспекте польских восстаний, авторы советских учебников позднесталинского периода утверждали, что якобы он не являлся основной причиной восстания, хотя, конечно «национальное угнетение» и было одним из важных поводов. То же самое говорилось и об активном участии дворян в восстаниях и представлении их интересов в повстанческой программе. Общим местом в учебниках было указание на то, что якобы шляхта присоединялась к восстаниям позднее и стремилась потушить их радикализм, смягчив классовые требования. Считалось, что восстания имели в первую очередь социальную, классовую природу, а националистические идеи (включая идеи возрождения Речи Посполитой в границах 1772 г.) и стремление к возрождению шляхетских привилегий были лишь более поздними дополнениями, сделанными уже позднее консервативными аристократами, присоединившимися к подготовке восстаний.

Восстание 1794 г. не освещалось сколько-нибудь подробно. Оно чаще всего репрезентовалось как часть революционной волны в Европе конца XVIII в., как отголосок революции во Франции.

Небольшое в целом внимание уделялось событиям 1830–1831 гг. несмотря на то, что они включали в себя крупномасштабные боевые действия. Это восстание представлялось, как правило, в контексте внутренней политики николаевского правления. Особенно подчёркивалась его «дворянскость».

Наибольшим вниманием пользовалось восстание 1863 г., которое рассматривалось как своего рода пик польского революционного движения в XIX в. и даже как одно из важнейших событий в российской истории XIX в. Данное обстоятельство было связано с тем, что это восстание имело в значительной степени левый политический уклон и наиболее удачно укладывалось в классовую теорию. Большое внимание уделялось событиям на литовских и белорусских землях под руководством К. Калиновского, который был назван вождём белорусского крестьянства Кастусем Калиновским.

Отдельным важным вопросом являлась характеристика политики российских властей в Западном крае и Царстве Польском. Она была названа политикой «национального угнетения» (даже в весьма либеральный период 1815–1830

гг.). Авторы учебников подвергали жёсткой критике действия Российской императорской армии по подавлению восстаний. Исключением было лишь взятие Варшавы в 1794 г. российскими войсками под руководством А. В. Суворова – оно описывалось либо в сугубо нейтральном тоне, либо даже подчёркивался гуманизм этих действий – всё-таки в данном случае важность Суворова как одного из общепринятых героев русской досоветской истории, почитаемого и в СССР после «патриотического поворота» 1930-40-х гг. в историографии и политике памяти, перешивала традиции марксистской историографии, для которой революционеры левого толка были безусловными героями и прогрессивными деятелями.

Рассмотренная учебная литература позволяет сделать вывод, что польские восстания вписывались в нарратив истории СССР как его неотъемлемая часть. Оценивались они прежде всего с марксистской точки зрения, с наибольшей концентрацией на социальных аспектах и пренебрежением аспектами национальными – что можно объяснить прежде всего нежеланием вспоминать об истории этнической вражды между русским и польским народами в новых политических условиях союзничества в рамках Восточного блока.

Литература

1. Алексеева, Л. В. О методике преподавания истории в СССР в первое послевоенное десятилетие (1945-1955) // Актуальные проблемы преподавания истории и обществознания в образовательных организациях различных типов: Коллективная монография (к 25-летию высшего исторического образования в Нижневартковском государственном университете). Часть 5. Нижневартковск: Нижневартковский государственный университет, 2018. С. 157-179.
2. Бранденбергер Д. Л. Национал-большевизм. Сталинская массовая культура и формирование русского национального самосознания (1931-1956 гг.). СПб.: Академический проект, Издательство ДНК, 2009. 416 с.
3. Вандалковская М. Г. Высокое служение богине истории. К 100-летию со дня рождения академика М. В. Нечкиной // Вестник Российской академии наук. 2001. № 2(71). С. 155-167.
4. Греков Б. Д., Бахрушин С. В., Лебедев В. И. История СССР. Т.1. С древнейших времен до конца XVIII века. М.: Госполитиздат, 1947. 744 с.
5. Гришаев О. В., Желтов М. Ю. А.В. Шестаков и его место в становлении школьного исторического образования в СССР в 20-30-х гг. // Берегиня. 777. Сова. 2016. №1(28). С. 70-72.
6. Кунц Г. Русско-польская война. М.: Евразия, 2024. 320 с.
7. Маркс К. Речь на польском митинге в Лондоне 22 января 1867 года // Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Т. 16. М.: Политиздат, 1960. С. 207-208.
8. Миллер И. С., Королюк В. Д., Третьяков П. Н. История Польши в трех томах. Т. 1. М.: Издательство АН СССР, 1954. 583 с.
9. Нечкина М. В. История СССР. Учебник для исторических факультетов государственных университетов и педагогических институтов. Т.2. Россия в XIX веке. М.: Госполитиздат, 1949. 858 с.
10. Никитин С. А., Руколь Б. М., Королюк В. Д. История южных и западных славян. М.: Изд-во Московского университета, 1957. 574 с.
11. Панкратова А. М. История СССР: учебник для средней школы. Часть 2. Для 9-го класса. М.: Учпедгиз, 1950. 326 с.
12. Сивкова Е. К. Константин Васильевич Сивков (Биографический очерк) // Краеведы Москвы. Вып. 2, М.: Книжный Сад, 1995. С. 181-197.
13. Сивков К. В., Кабанов П. И. История СССР: учебник для педагогических училищ. Ч. 2. М.: Учпедгиз, 1948. 356 с.
14. Тихонов, В. В. Белорусская история в контексте советской исторической политики 1920 - первой половины 1950-х годов // Россия и Беларусь: история и культура в прошлом и настоящем. 2018. № 4. С. 235-248.
15. Тихонов В. В. Идеологические кампании «позднего сталинизма» и советская историческая наука (середина 1940-х – 1953 г.). СПб.: Нестор-История, 2016. 424 с.
16. Тихонов В. В. Полезное прошлое. История в сталинском СССР. М.: НЛО, 2024. 544 с.
17. Тихонов В. В. Учебники по новой истории как источник формирования представлений советских школьников последнего сталинского десятилетия о мире // Люди и тексты. Исторический альманах. 2014. №6. С. 271-286.

18. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М.: Новое издательство, 2007. 348 с.
19. Шестаков А. В. История СССР: краткий курс: учебник для 4-го класса. М.: Учпедгиз, 1937. 235 с.
20. Шестаков А. В. История СССР: краткий курс: учебник для 4-го класса. М.: Учпедгиз, 1955. 288 с.
21. Юрганов А.Л. Русское национальное государство: Жизненный мир историков эпохи сталинизма. М.: РГГУ; 2011. 765 с.
22. Porter B. When Nationalism Began to Hate: Imagining Modern Politics in Nineteenth-Century Poland. New York: Oxford University Press; 2002. 320 p.

References

1. Alekseeva L. V. On the methods of teaching history in the USSR in the first post-war decade (1945-1955). Current issues in teaching history and social science in educational institutions of various types. Collective monograph (for the 25th anniversary of higher historical education at Nizhnevartovsk State University). Part 5. Nizhnevartovsk: Nizhnevartovsk State University, 2018. p. 157-179. (In Russ.)
2. Brandenberger D. L. National Bolshevism: Stalinist Mass Culture and the Formation of Modern Russian National Identity, 1931-1956. Saint-Petersburg: Akademicheskij proekt, Izdatel'stvo DNK: 2009. 416 p. (In Russ.)
3. Vandalkovskaja M. G. High Service to the Goddess of History. On the 100th Anniversary of Academician MV Nechkina's Birthday. *Vestnik Rossijskoj akademii nauk*. 2001;2(71):155-167. (In Russ.)
4. Grekov B. D., Bahrushin S. V., Lebedev V. I. History of the USSR. V.1. From ancient times to the end of the 18th century. Moscow: Gospolitizdat; 1947. 744 p. (In Russ.)
5. Grishaev O. V., Zheltov M. Ju. A.V. Shestakov and his place in the development of school history education in the USSR in the 20-30s. *Bereginja*. 777. Sova. 2016;1(28):70-72. (In Russ.)
6. Kunz H. Russo-Polish War. Moscow: Evrazija; 2024. 320 p. (In Russ.)
7. Marx K. Speech at the Polish meeting in London, January 22, 1867 // Marx K. and Engels F. Works. V. 16. Moscow: Politizdat; 1960. p. 207-208. (In Russ.)
8. Miller I. S., Koroljuk V. D., Tret'jakov P. N. History of Poland in three volumes. V. 1. Moscow: Academy of Sciences of the USSR publishing; 1954. 583 p. (In Russ.)
9. Nechkina M. V. History of the USSR. Textbook for history departments of state universities and pedagogical institutes. V.2. Russia in the 20th century. Moscow: Gospolitizdat; 1949. 858 p. (In Russ.)
10. Nikitin S. A., Rukol' B. M., Koroljuk V. D. History of the Southern and Western Slavs. Moscow: Moscow State University; 1957. 574 p. (In Russ.)
11. Pankratova A. M. History of the USSR: textbook for secondary school. Part. 2. For the 9th grade. Moscow: Uchpedgiz; 1950. 326 p. (In Russ.)
12. Sivkova E. K. Konstantin Vasil'evich Sivkov (Biographical sketch). Local historians of Moscow. Issue. 2, Moscow: Knizhnyj Sad; 1995. p. 181-197. (In Russ.)
13. Sivkov K. V., Kabanov P. I. History of the USSR: textbook for pedagogical schools. Part 2. Moscow: Uchpedgiz; 1948. 356 p. (In Russ.)
14. Tihonov, V. V. Belorussian history in the context of Soviet historical policy of the 1920s - first half of the 1950s. *Rossija i Belarus': istorija i kul'tura v proshlom i nastojashhem*. 2018;4:235-248. (In Russ.)
15. Tihonov V. V. Ideological campaigns of late „Stalinism” and Soviet historical studies (mid-1940s - 1953). Saint-Petersburg: Nestor-Istorija; 2016. 424 p. (In Russ.)
16. Tihonov V. V. Useful Past. History in Stalin's USSR. Moscow: NLO; 2024. 544 p. (In Russ.)
17. Tihonov V. V. Textbooks on modern history as a source of formation of ideas of Soviet schoolchildren of the last Stalin decade about the world. *Ljudi i teksty. Istoricheskij al'manah*. 2014;6:271-286. (In Russ.)
18. Halbwachs M. Social framework of memory. Moscow: Novoe izdatel'stvo; 2007. 348 p. (In Russ.)
19. Shestakov A. V. History of the USSR: a Short Course: Textbook for the 4th Grade. Moscow: Uchpedgiz; 1937. 235 p. (In Russ.)
20. Shestakov A. V. History of the USSR: a Short Course: textbook for the 4th grade. Moscow: Uchpedgiz; 1955. 288 p. (In Russ.)
21. Jurganov A.L. The Russian National State. The Lifeworld of Historians of the Stalinist Era. Moscow: RSUH; 2011. 765 p. (In Russ.)
22. Porter B. When Nationalism Began to Hate: Imagining Modern Politics in Nineteenth-Century Poland. New York: Oxford University Press; 2002. 320 p.